

Автобиография

Милгравис Александры Алексеевны, прож. в г. Рига, ул. Золитудес 7, кв. 1

Я родилась в 1909 году 10 апреля (нового стиля) в селе Варез, Павловского района, Горьковской области. Мои родители — отец Скворцов Алексей Семенович, и мать, Скворцова Надежда Кандидовна, долгие годы работали на фарфоро-фаянсовом посудном заводе (б. Кузнецова) в Риге. Отец был фабричным скульптором-модельщиком, мать — рисовальщицей посуды. Отец, имея кроме специального еще и музыкальное образование, весь свой досуг посвятил хорошему делу, привлекая и организуя фабричную молодежь к культурной работе. Усилиями отца был создан на заводе мужской хоровой коллектив, с успехом выступавший на вечерах рабочих завода. На посудном заводе отец проработал непрерывно 53 года. Он участник рабочей демонстрации 1905 года. За честный труд в 1942 году администрация завода выразила отцу благодарность. Отец воспитал четырех детей, умер в 1948 году от рака пищевода. Мать, несмотря на многодетность, проработала на заводе 28 лет. Умерла от разрыва сердца в 1954 году. В 1928 году я окончила Рижскую Правительственную Русскую Среднюю школу и поступила на курсы бухгалтерии и машинописания. Закончив курсы, я с 1928 года работала на резиновой фабрике «Сарканайс Квадратс» (б. «Квадрат»). В 1934 году по состоянию здоровья я вынуждена была оставить работу и лечиться. В 1937 году я вышла замуж за Милгравис Яна Яновича, офицера Латвийской армии в чине капитана. К моменту замужества Милгравис Я. Я. в рядах Латвийской армии уже не состоял, а работал зав. хозяйством Православного Синода в г. Риге. В 1940 году мне предложили работу в депо Шкиротава Латвийской железной дороги в качестве бухгалтера расчетного стола, где я проработала с 1940 по 1941 год. Проживали мы по адресу: Рига, ул. Малая Пилс, 11, кв. 2.

В 1941 году меня в отсутствие мужа выслали из пределов Латвийской ССР. На вопрос, в чем состоит мое преступление, мне ответили, что я подвергаюсь высылке как член семьи. О судьбе мужа я в 1945 году узнала только то, что он, возвратившись домой и узнав о случившемся, немедленно явился в милицию. 17 июня 1941 года его также выслали из Риги.

С 1941 года я проживала в п. Моисеевка Васюганского района Томской области и работала бухгалтером колхоза «Красный Север» (ныне колхоз имени Калинина, пос. Волково). В ссылке находилась до 1955 года. 17 июля 1955 года меня сняли с учета спецпоселения, что дало мне возможность получить паспорт и вернуться на родину в Ригу 29 июня 1956 года.

О судьбе моего мужа до 1955 года я ничего не знала, только в 1955 году мне стало известно, что он умер 21 апреля 1942 года в лагере в Кировской области, на что мне выдано свидетельство о его смерти. В борьбе за существование я работаю всю свою жизнь.

Ни в каких партиях или организациях не состояла, к суду не привлекалась. Местонахождение и стаж моей работы следующий:

Рига. Резиновая фабрика «С. Квадрат». 03.07.1928 — 07.09.1934.

Рига. Магазин «L. Vilhelmo». 15. 02.1935 — 15. 02. 1936.

Рига. Аптекарский магазин провизора Петрова. 01.10.1938 — 15.06.1939.

Латв. ж/д депо «Шкиротава». 04.01.1940 — 14.06.1941.

Колхоз «Красный Север» (Томская обл., Васюганский р-н). 08.1941 — 06. 1955 (по совместительству — зав. маг. Васюганского сельпо с 04.10.1948 по 06.03.1956 г.)

Рижская детская железная дорога, где я работаю завхозом-кассиром с 05.10.1956 и по настоящее время.

За работу в период ссылки имею поощрения и благодарности. Все вышеизложенное в части трудового стажа и поощрений как родителей, так и моих подтверждается документально.

Александра Милгравис. 21 ноября 1956 года.

ПИСЬМА ШУРЫ МИЛГРАВИС ИЗ ССЫЛКИ

Письмо первое

16 июля 1947 года

Дорогие мои, бесценные родители мамочка и папочка! Шлю вам свой глубокий дочерний привет и благодарность за практичную посылку, которую вчера получила. Радости моей нет конца, набежало колхозников куча, все хвалили да охали. Когда детям дала по изюминке, то они сперва клали в рот недоверчиво, а раскушав, в голос завопили: «Няня, ещё!» Взрослые называют изюм «урюп», почему это — не знаю. Теперь я целый «капиталист», все есть — и посуда, и одежда. Ножницы острые, уже лажу ими конверты.

Мамочка! Мелочи разные — большое дело у нас. Нет ничего ненужного, и крючки, и кнопки — настоящее богатство. Можно всякие обмены делать, вроде: я вам дам крючок, а вы мне сбейте кирпич на плиту. Мужики ухватились за подпилочек и обещают по-соседски не отказывать зимой в дровах, а это большое дело. До зимы-то не хотелось бы здесь дожить, всё думаю к вам вернуться, мои дорогие родные, а если Бог судит иначе, то зимой тепла обещают — и то хорошо. За дровами в тайгу ездить надо, пилить да возить. Нелегко это.

Дорогие мои мама и папа! Получила справку из нашего сельсовета, то есть органа советской власти на селе, так именуется сельсовет. Высылаю ее вам вместе с заявлением в Верховный Совет Латвийской ССР. Папочка, переговоры с Зариным И. В. (ты писал, что он нами как-то заинтересовался), может, он больше связи имеет. Может быть, лучше адресовать на МВД?

Если да, то пусть Лиза перепишет и подпишет «Милгравис». У меня почему-то родилась надежда на счастье. Справку из сельсовета тоже не сразу-то получишь, все цедят нас чужих, но, видимо, меня не так чтобы хаяли. Ты умный, папочка, и обдумаешь куда лучше обратиться. Пришла мысль: не писать адресата, — это вы сами сделаете, — куда надумаете подать.

Очень жду от вас сообщения о том, что вышло на опросе у секретаря, как ты писал. О чем спрашивал и что говорил. Из всего «нашего» положения ясно одно, — вернуться можно, только надо знать где нажать кнопку. Эта кнопка у вас где-то, здесь, на месте, только дадут отзыв, если запросят от вас. Мне пришла еще одна мысль: написать прошение в Кремль Сталину, только тоже не через местную почту (не отправят!), а через Ригу. Но это еще обдумую и подожду вашего совета.

Мамочка! Сетка очень кстати — гнус съедает в прах. Подмажу дегтем, ни одна мошка не доберется. Спасибо тебе, родная, все так хорошо придумано. Завтра обещали мне свободный день, буду огребать картошку, очень заросла...

* * *

Таких посланий было несколько. И кому только не писали: Берии, Швернику, местным, латвийским, властям...

Ходатайство родителей о возвращении дочери на родину

Председателю Президиума Верховного Совета Союза ССР Товарищу Швернику от инвалида труда Скворцова Алексея Семеновича, проживающего в г. Рига, ул. Золитудес, № 17, кв. 1.

Ходатайство о помиловании

Уважаемый тов. Шверник!

Я обращаюсь к Вам как к нашему избраннику и руководителю высшего органа Советской власти. Прошу помиловать мою дочь Милгравис Александру Алексеевну, 1909 года рождения, которая по клеветническому навету была выслана в Сибирь из города Риги в июне 1941 года. В настоящее время моя дочь находится в поселке Моисеевка Ново-Васюганского района Томской области и работает в колхозе «Красный Север». За время работы в данном колхозе моя дочь, исполняя обязанности бухгалтера колхоза, честно относится к труду. По своей инициативе организовала ряд общественных кружков среди колхозной молодежи. Во время выборов в Верховный Совет СССР она была признана лучшим агитатором по своему избирательному округу. За хорошую работу на производстве и успехи в выполнении общественных обязанностей в период Великой отечественной войны она была представлена к правительственной награде — медали «За доблестный труд в Великой Отечественной

войне советского народа 1941—1945 гг». Кроме того, она неоднократно премировалась и получала благодарности. Разлука с любимой дочерью сильно подорвало мое здоровье. Я человек преклонного возраста, инвалид.

Уважаемый Николай Михайлович! Мы с женой-старушкой убедительно просим Вас помиловать нашу дочь и вернуть ее на родину. О Вашем решении прошу Вас мне сообщить.

С уважением Скворцов Алексей Семенович.

* * *

Письмо второе

(Это письмо Шуры Милгравис было написано 11 декабря 1955 года из остяцкого поселка Моисеевка, что неподалеку от Огнев Яра в Васюганье).

Здравствуйте мои дорогие родные — Тека, Лолита и детки Мариночка, Коля, Танечка! Всем вам шлю свой сердечный привет из снежной Моисеевки, где живем мы — пять семей — как Робинзон Крузо. Связь у нас прервана.

24 октября пришел остяк Иван, уже последним осенним путем, обласок¹ оставил на берегу, а сам — пешком через тайгу, или урман, как они его называют. На реке начали появляться забережки, ехать опасно — обласки здесь делают осиновые, того и гляди льдиной пробьет. Он привез Лизино сентябрьское письмо, которое своим содержанием очень и очень огорчило. Конечно, мы все сейчас больны от нетерпения, но от меня ли зависит одолеть природные препятствия вечного, глухого урмана, и есть ли силы у меня для того?

Вам непонятна здешняя обстановка, как и мне, и многим из нас она была м\и остается непонятной и до сих пор. Огорчение мое прошло, конечно, но надолго лишило меня всякого равновесия, а ведь сила мне нужна, чтобы суметь выбраться из этой трущобы.

Марта жила в районе, и то не могла выехать тогда, когда ей объявили свободу, а дожидалась лета, а я и вовсе от района живу в 220 километрах. Ни дорог, ни транспорта — нет ничего. В конце мая приходит катер в отдаленные поселки, если позволяет речка, забрасывает в сельпо² продукты, товары, а из урмана вывозят заготовки разные и народ, кто решил выехать. Еще один без багажа как-нибудь сговорится с остяками, на обласке чтоб увезли в район, но стоит это все, Лолита, дорого, а где деньги брать? Вот почему я и зиму в Моисеевке, вместе с другими, кто тоже готовится на выезд. Здесь человек не управляет природой, а природа диктует свой закон, человек должен подчиняться. Сегодня уже 8 декабря, а связи никакой нет. Приходили два пешехода на лыжах в магазин из соседней юрты за 12 км, и всё. О том, как урман и бездорожье мучают людей напишу несколько слов.

Лизино и крестнино письмо от 11—12 октября с. г. я получила совсем случайно 29 ноября вечером. Почему случайно? — читайте.

Один парень из соседней юрты с другим мужчиной-соседом вздумали по бездорожью тайгой пройти на Огнев [Яр]. Парню пришел перевод от матери из Новосибирска (сюда он осенью приехал к отцу в гости и остался, так как застигло бездорожье). Вот он и решился пойти получить его. Идти 50 км в один конец, дороги нет. Погода стояла теплая, снег валил мокрый, болота не промерзли, озера обходили по кромкам, трудностей было много. Туда дошли ничего, — получил он деньги, захватил и почту, которая лежала в Огневке (видно, еще по воде приходила, последняя). Среди писем были и для меня два письма. На полпути от дома пошли в обход озера по кромке. Озеро это очень большое, на нем я однажды тонула с лошадью, чудо спасло. Сосед — сильный мужчина — пошел побыстрее, скричал, чтобы Юрка не отставал, так как до дома было еще далеко, а хотелось дойти к вечеру. Этот Юрка не успевал за ним, а тут еще собака залаяла на глухаря, он решил выстрелить, там белка выпрыгнула, взял азарт, — стрелет раз, другой, — запутался в своих же следах. От края озера было всего 75 метров, а выйти не смог. С дороги сбился, взял неправильный курс, вместо домой пошел обратно и блудил по урману четыре дня и ночи. Тут как на грех поднялись метели с морозом, отец просил наших остяков помочь его искать. Думали, что его задрал медведь, или провалился в трясину. Отчаяние было большое. Этого парня я знала, когда ему было четыре года, их два брата. И вот на четвертый день ночью кто-то вошел в сенки их избушки в юрте Пашкино и попросил пить. Отсяк, что пошел на поиски, у них ночевал, — встал, зажег лампу и увидел Юрку. Вид его был страшный. Сам худой, черный, окоченелый, со спущенными брюками, а ноги, ноги! Это были не ноги, а столбы ледяные. Начали его разувать и раздевать. Одного льда вынесли два таза с ног. Он уже шел не на ногах, а на настывшем льде.

Мы здесь ничего не знали, — только когда от них пришел гонец за водкой, то и мы узнали о несчастье Юрки. Отец его мне писал, что ноги выше сустава черные и бездействующие, народ советует натирать водкой. Так Юрка пролежал в глухой таежной избушке 12 дней без всякой медицинской помощи. Ноги из черных стали зеленые, холодные, сам он двигаться не мог.

2 декабря над Моисеевкой летел самолет. Мы думали, что в тайгу он летит, как обыкновенно, но нет — видим, начал кружиться над нами и сбросил записку с просьбой указать, где приземлиться.

Место указали на полях за огородами. Он спустился. Оказался санитарным, вылетел в разведку насчет Юрки, это через 12 дней, — а Юрка уже гнить стал. Обещали доставить Юрку в Моисеевку 3 декабря, тогда самолет прилетит опять и возьмет больного. Послали колхозную лошадь за ним. Утром рано слышу цокают около моей избушки. Вижу — подъехали ко мне. В ту ночь мне не спалось, я встала рано, натопила тепло в избе, было чисто. Пришел

отец и просит, не отказать внести Юрку ко мне, чтобы дожидаться самолета. Конечно, разве можно отказаться в беде! Юрку внесли, уложили на мой топчан. Когда он увидел меня, то первое что спросил, это: «Тетя Шура, вы получили свои письма, за одно я расписался». Конечно, я благодарила его за заботу. Почту он нес из-за уважения ко мне, так он сказал, в дороге и иголка тяжела, но он с этим не считался. Это были Лизино и крестнино письма. Не спаси Юрку чудо, осталось бы всё в вечной тайге — и Юра, и почта.

Когда он немного отдохнул, покушал, — стал рассказывать о страшных мучениях. Уже в последнюю ночь, когда он почувствовал, что погибает — ноги обморожены, идти не мог, сам тоже весь мокрый и обмерзший, — решил наставить курок. Приготовил всё, только спустить — и одним ударом покончить жизнь. И тут пришли на ум дети соседа, а их четверо, все маленькие. «Я умру, меня не найдут, а соседа засудят за то, что станут подозревать в убийстве. Дети погибнут без отца....» И собрав последние силы, он каким-то чудом выбрался на знакомые места в семи километрах от дома.

Ноги его я видела — черно-зеленые, мертвые, гниют, вонь страшная, опрели. Пропал Юрка, отнимут ему ноги ниже колен немного, и будет он калека. В час дня прилетел самолет, его уложили на носилки и улетели в район. Какова судьба Юрки, не знаем, — связи нет, дорогу, хоть и топтали немного, но снова ее перемело... Вот какие дела в тайге. Когда через 12 дней за больным прилетели, то что говорить о лизиных литерах, о которых она мне пишет. Описала я это, чтобы вы представили себе, какая здесь природа и как ее преодолевают.

Свои силы я знаю, мне не выдержать даже малейшего напряжения, сразу же мне делается худо, и я болею. Поэтому из Моисеевки смогу выбраться только весной, на катере в район, а там пароходом дальше до железной дороги. Другой возможности у меня нет. Есть у меня немного нужного багажа. Постель, одежда. Будет посылка пять или четыре. По секрету: Танечке и Коленке, как малышам, готовлю сибирские подарки. Остятка Катя сшила Коле унты — это меховые сапожки. Я вышила опушки, сделала кисточки, получилось очень оригинально. Танечке приготовила зайчинку беленькую на шапочку, тоже будет красиво девочке. Есть еще у меня оленья шкура и рога, — всё на память о Сибири.

Бабка Маланья мягчит мне двенадцать белочек. Словом остяки наши охотно пошли мне во всем навстречу, они любят пить «кирпичный» чай, а я их зачастую угощаю, когда они заходят ко мне. Маланьюшка — так та просто говорит: «У тепя, девка, есть тьяй кирпичнай, охота пить! Я ишо не пил, голова болит, силы нету». Ну, конечно, нальешь ей: сколько хочешь пей, не жалко! Чай у них — главное.

Сейчас я не хожу на колхозную работу, пока нет подходящей. Вот когда скот пригонят из Волкова, наверно придется дрова готовить для паровика, где греют воду на водопой скоту.

Мне даже не верится, что полтора месяца я сижу дома и не хожу на работу. За это время я подобрала все свои вещи к порядку и готовлюсь сдавать магазин, чтобы освободиться от всех обязанностей. Поросенка и овечку своих мне забил отец Нюры. Мы его просили, чтобы он помог, а то некому было забивать. Скот мой хороший, но нет приемщика еще. Говорят, что он улетел в тайгу, там вести прием скота, и до сих пор от них (100 км) нет никого ни пешего, ни санного, — словом, дорогу еще не протали. Наверно, трудно очень, так как их дорога почти сплошь болотом, а оно не промерзло, легко можно лошадей утопить, тогда отвечай перед колхозом.

Лолита! Мои дела такие сложились: когда в июле (конце) мне удалось выехать в район за справкой, то я пошла также к фотографу. Это эстонка, женщина — одна снимает в районе. Она очень болела, лежала в постели. Я ее очень просила меня сфотографировать и проявить, потому что заодно я хотела и получить паспорт, хотя справок с места работы у меня не было на руках. Но всё ведь думаешь: а может быть удастся, тоже хотелось всё охлопотать. Но не вышло так. Снять она сняла, а проявить не смогла, лежала с температурой большой, так что я не дождалась и уехала домой. Она мне в сентябре прислала карточки, теперь с этим делами покончено. Всё в порядке. Теперь с работой. Наше Огневоярское сельпо присоединили к Нововасюганскому, т. е. к районному новому управлению. Я написала заявление о снятии меня с 3 отд., т. к. я уезжаю. Первой почтой отправлю его правлению сельпо. Если колхоз мне не выдаст справку, на основании которой я должна получить паспорт, то я буду просить начальника милиции выдать мне паспорт на основании справки об увольнении с работы в сельпо, а там мне справку дадут. Так как мы живем в поселках, то нам нужно еще получить справку из нашего сельсовета на снятие с учета и право получения паспорта. Об этом я уже говорила с председателем сельсовета изнаю, как надо делать. Зимой думаю ехать в Огнев Яр, вернее в Медведку, куда перевели сельсовет и все сделать, что нужно.

Лиза и ты писали о деньгах на дорогу. Спасибо вам за заботу. Сейчас мне не надо денег, если они и придут, то будут лежать на почте, получить я их все равно не смогу. Самой не сходить 100 км, а связи нет, да еще надо доверенность заверять в сельсовете, теперь его перевели в Медведку — это 14 км., т. е. надо целый день идти. Видите сами, какие наши удобства. Это, дорогие мои, не Европа, а Сибирь, еще не отесанная, где все берется людской силой, а не машиной.

Эти дни всё пуржит. Сегодня ночью был сильный ветер со снегом и сейчас еще не перестал. Снега много, лежит и преет, а морозов еще больших не было. Вчера говорила с остяком Егором, чтобы он нарочным от сельпо сходил на Огнев Яр. Плачу ему 30 рублей. Ну вот,ждемся утра, увидим — пойдет он или нет. Если пойдет, то и письма мои к вам уйдут и вы узнаете о моей жизни.

От крестной получила письмо. Мне жаль ее, бедную старушку, болеет, а сама еще пишет. По моему, Лиза напрасно на меня сердится, что я ей пишу, а мне ее, Лолиточка, правда очень жаль. Что ей от жизни осталось, бедной. Пусть порадует за меня. Плохо я ни о ком не думаю и сочувствую людям, — это мне помогает жить, и люди меня уважают. Я вам с Лизой писала в октябре письма и обстоятельно описала мое положение. Не знаю, получили вы их или нет. Судя по Лизиним письмам, еще нет, так как ответы ее были на сентябрьские мои письма. Лолиточка! На дворе вьюга, в хате у меня тепло, топится железка, греет лампа. Еще очень рано, а вы еще все спите. Надеюсь, что Егор пойдет, спешу написать вам. Хоть и томительно все переживать, но на душе у меня спокойно. Я знаю, что всё это временно и что час счастливой встречи недалек. Вижу вас всех на перроне и если не узнаем мы взрослые друг друга, то узнаю я вас по детворе. Берегите свое здоровье и силы, очень прошу тебя, дорогая сестра. Скоро, скоро увидимся. Теперь ты знаешь обо всех моих делах подробно. Пиши мне скорее. Очень жду писем. Целую всех крепко-крепко. Твоя Шура и тетя Шура.

Как Мариночка учится? Желаю ей во всем успехов, умнице.

С Новым годом! Сегодня уже 11. XII. 55 г., а ниоткуда никого нет. Заносит нас снегом, не откопать.